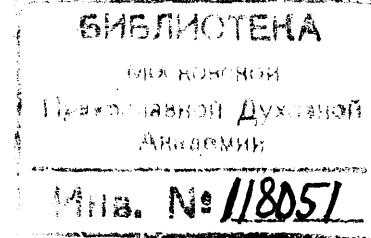

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

С. М. КАШТАНОВ

ОЧЕРКИ
РУССКОЙ
ДИПЛОМАТИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1970

Монография является первым обобщающим изложением основ советской дипломатики как специальной исторической дисциплины. В книге разрабатываются теоретические принципы марксистской дипломатики и показывается опыт их конкретного применения к русскому актовому материалу. Ставятся и решаются вопросы формуллярного анализа источников, излагаются новые возможности изучения проблемы содержания и формы источников, выяснения полноты и достоверности их информации на базе использования новейших дипломатических методов. В книге затрагивается и на конкретном материале определяется связь дипломатики с проблемами смежных вспомогательных исторических дисциплин. Публикуются ранее не известные русские грамоты конца XIV — начала XVI в.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
А. А. ЗИМИН

О Т А В Т О Р А

Вопросы методологии и методики источниковедческого исследования занимают видное место в кругу основных проблем исторической науки. В современной историографии, наряду с углублением специальной методики изучения отдельных видов источников (летописных, статистических, актовых и др.), все более отчетливо проявляется тенденция переосмысливания теории и методики источниковедения в целом. Новую оценку получают и так называемые «вспомогательные исторические дисциплины», за которыми теперь признаются не только специфические методы, но и особые, самостоятельные цели исследования, позволяющие считать их специальными историческими дисциплинами (это относится прежде всего к дипломатике и палеографии). В советской исторической науке последних лет был создан ряд ценных обобщающих трудов по палеографии (Л. В. Черепнин, М. Н. Тихомиров и А. В. Муравьев), метрологии и сфрагистике (В. Л. Янин, Е. И. Каменцева и Н. В. Устюгов), нумизматике (И. Г. Спасский, В. М. Потин, В. Л. Янин), топонимике (В. А. Никонов), хронологии (Е. И. Каменцева), текстологии (Д. С. Лихачев) и др. Однако обобщающих работ по дипломатике в нашей литературе нет.

Дипломатика — специальная историческая дисциплина, изучающая акты. Автор стоял перед выбором: ограничиться ли сводкой уже накопленного опыта дипломатических исследований и дать изложение истории русского акта или попытаться наметить некоторые новые подходы к изучению актов. Первый путь определялся отсутствием общего курса русской дипломатики и неопределенным положением этой дисциплины среди других специальных и вспомогательных исторических дисциплин. Второй путь привлекал открывшимися в последнее время, в связи с большими достижениями отечественного и зарубежного источниковедения, перспективами разработки более совершенной методики дипломатического анализа.

Автор избрал в целом второй путь. Однако в работе дается общая постановка вопроса о дипломатике как научной дисциплине и излагаются основные принципы методики дипломатического исследования.

В связи с современным состоянием историографии перед автором стояла задача изучения наименее исследованных к настоящему времени и имеющих принципиальное значение проблем русской дипломатики: «акт» как предмет дипломатики, классификация актов, дипломатический состав древнерусского акта, применение текстологических приемов исследования в дипломатике, связь эволюции формы актовых источников с социальным и политическим развитием страны, соотношение формы и содержания актов, пути проверки достоверности содержания актов, методы изучения сборников копий актов (актовая кодикология).

В работе методического по преимуществу назначения автор стремился избежать обычного недостатка методических работ: чистой методики без практической ее реализации.

В настоящем исследовании реализация методики разбита на три этапа: 1) изучение актов как таковых — анализ их формуляра, выяснение достоверности и т. д. (части II—III); 2) изучение актов в составе сборника копий (часть IV); 3) археографическая обработка и издание актов (часть V).

В основе первой части работы лежит частично сокращенный, частично дополненный и переработанный текст двух статей, уже появившихся в печати¹. То же надо сказать и о третьей части исследования². Вторая, четвертая и пятая части публикуются впервые.

Выражаю глубокую благодарность А. А. Зимину, издававшему мои занятия дипломатикой.

Автор также весьма признателен С. Н. Валку, Е. И. Заозерской, Е. И. Индовой, В. Б. Кобрину, А. А. Курносову, В. Т. Пащуту, А. П. Пронштейну, Н. В. Синицыной, А. Л. Хорошкевич, Л. В. Черепнину, С. О. Шмидту, В. Л. Янину за ценные замечания и советы, которые помогли ему в работе.

¹ С. М. Кащанов. Предмет, задачи и методы дипломатики.—«Источникование. Теоретические и методические проблемы». М., 1969; он же. Дипломатический состав древнерусского акта.—«Вспомогательные исторические дисциплины», II. Л., 1969.

² С. М. Кащанов. К вопросу об отмене тарханов в 1575/76 г.—«Исторические записки», кн. 77, 1965; он же. Общие жалованые грамоты Троице-Сергиеву монастырю 1550, 1577 и 1578 гг. на все вотчины (соотношение текстов).—«Записки Отдела рукописей» ГБЛ, вып. 28. М., 1966.

I

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ДИПЛОМАТИКИ

Изучение русского акта имеет многолетнюю историю¹. Вместе с тем дипломатика как современная наука с определенным предметом исследования и с определенной методикой у нас лишь формируется. Среди ученых нет единства мнений по основным вопросам теории дипломатики.

ГЛАВА ПЕРВАЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДИПЛОМАТИКИ

§ 1. Предмет дипломатики

В западноевропейской историографии предметом дипломатии обычно считают все документы, отличные от повествовательных источников, при этом среди документов выделяют три группы: акты, записи, письма (последние

¹ О развитии русской дипломатики см.: С. Н. Валк. [Рецензия на книгу:] А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатии частных актов.—РИЖ, кн. 8. Пг., 1922; он же. Сборник Грамот Коллегии Экономии. (Историографические заметки).—«Борьба классов», № 1—2. Л., 1924; он же. Исторический источник в русской историографии XVII в.—«Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 7—8; он же. Начальная история древнерусского частного акта.—«Вспомогательные исторические дисциплины». М.—Л., 1937; Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 1. М.—Л., 1948; ч. 2. М., 1951; он же. У истоков архивоведения и актового источниковедения («практической дипломатии») в России (Вотчинные архивы и экспертиза документов в XV—начале XVI в.).—«Вопросы архивоведения», 1963, № 1; А. А. Зимин. Русская дипломатия феодальной эпохи. Машинопись; А. А. Веденеский. Лекции по документальному источниковедению истории СССР (Дипломатика). Киев, 1963; А. Т. Николаева. Из истории русского актового источниковедения.—«Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1963; А. И. Корапев. Советская дипломатика.—«Вспомо-

относят к предмету дипломатики с оговоркой). В «документах» видели предмет дипломатики Н. П. Лихачев и Н. Н. Ардашев. А. С. Лаппо-Данилевский ограничивал предмет дипломатики «актами». В советской историографии дипломатика тоже понимается как наука об актах («актовое источниковедение»).

Вместе с тем в определении «акта» наблюдается разнобой. Классик немецкой дипломатики Т. Зиккель считал, что под актом (*Urkunde*) следует разуметь «письменное, облеченое в соответствующую форму изъяснение о предметах правового характера»². Аналогичное определение находим в трудах современных специалистов по западной дипломатике³. А. С. Лаппо-Данилевский в определении акта по существу следует за Зиккелем, но вместо расплывчатого понятия «предметы правового характера» вводит более конкретные представления: «правительственное постановление или юридическая сделка». Актами, по его мнению, являются документы, «которые облекают известное правоотношение — правительственное постановление или юридическую сделку — в письменную форму»⁴. Были в русской литературе и другие толкования «акта». Н. П. Лихачев непомерно расширял понятие «акт», отождествляя «акты» с «документами»⁵. Н. Н. Ардашев и В. И. Веретенников, наоборот, пытались конкретизировать и сузить содержание термина «акт». Они считали актами документы договорного, сделочного характера⁶.

гательные исторические дисциплины», I. Л., 1968; «Очерки истории исторической науки в СССР», II. М., 1960, стр. 659—667; «Очерки истории исторической науки в СССР», III. М., 1963, стр. 617—627; «Очерки истории исторической науки в СССР», VI (в Издательстве).

² Th. S i c k e l. *Lehre von den Urkunden der ersten Karolinger (751—840)*. Wien, 1867, S. 2.

³ См., например: A. de Boüard. *Manuel de diplomatique française et pontificale. Diplomatique générale*. Paris, 1929, p. 33; H. O. M e i s n e r. *Urkunden- und Aktenlehre der Neuzeit*. 2-te Aufl. Leipzig, 1952, S. 16; cp. G. Tessier. *La diplomatique*. Paris, 1962, p. 12.

⁴ А. С. Л а п п о - Д а н и л е в с к и й. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920, стр. 13.

⁵ Н. П. Л и х а ч е в. *Дипломатика* (Из лекций, читанных в С.-Петербургском Археологическом институте). СПб., 1901, стр. 7—9.

⁶ Н. Н. А р д а ш е в. *Дипломатика*. Лекции, читанные в 1907—1908 учебном году [в Московском Археологическом институте], стр. 120, 123—124; В. И. В е р е т е н и к о в. К вопросу о

В советской историографии чаще всего встречается то понимание акта, которого придерживался А. С. Лаппо-Данилевский, реже — более широкое, соответствующее представлениям Н. П. Лихачева. По нашему мнению, есть серьезные основания для ограничения круга «актов» документами договорного, сделочного характера.

Разнобой в употреблении термина «акт» объясняется значительным распространением самоназвания «акт» в документах многих разновидностей.

Уже в древнем Риме было известно существительное *«actus»* в значении «действие, акт, поступок». Термин «акт» в значении «документ» происходит, вероятно, от формулы *«actum est»* («совершено»), употреблявшейся в заключительной части древнеримских, а затем и средневековых документов⁷. Словом *«acta»* (множественное число от *«actum»*) обозначались различные постановления органов власти. В современных европейских языках слово «акт» появилось сравнительно поздно. Так, только в конце XIV в. возникает французский термин *«acte»*, производный от *«actum»*⁸.

Сложившееся в историографии XIX—XX вв. понимание актов как документов, имеющих признаки подлинности и современности событиям, предполагает, что актами являются все документы, отличные от «нarrативных» источников, иначе говоря, акты суть «исторические остатки», в то время как нарративные источники — «исторические предания». Отсюда, с одной стороны, противопоставление подлинных (не подложных) актов как источникам совершенно достоверных нарративным памятникам как источникам мало достоверным; с другой стороны, сведение задач дипломатики к выяснению подлинности (аутентичности) исторических источников, причем главным образом не собственно «дипломатическими» методами, а методами других исторических дисциплин — палеографии, хронологии и др.

Такая трактовка предмета и задач дипломатики представляется нам неприемлемой. С методологической точки

методах изучения древнерусских частноправовых актов.— «Историческое обозрение», т. XXI. Пг., 1916, стр. 9.

⁷ K. B r a n d i. *Urkunden und Akten*. Leipzig, 1913, S. 3, 32, 42, 59.

⁸ A. D a u z a t. *Dictionnaire étymologique de la langue française*. 10-me éd. Paris, 1954, p. 10.

зрения она неудовлетворительна потому, что в основу выделения актов из других материалов кладется абсолютизированный принцип деления источников на «остатки» и «предания», хотя абсолютизация этого принципа и введение его в роль *fundamentum divisionis* недопустимы, ибо каждый источник обычно имеет элементы «остатка» и «предания». Акты не являются чистыми «остатками». Даже формальная дипломатика признает наличие в них специального раздела — *narratio*, сближающего в какой-то мере акты с повествовательными источниками. С методической точки зрения рассматриваемое понимание актов неудовлетворительно вследствие того, что оно, превращая дипломатику в науку о подлинности документов, растворяет ее в палеографии, хронологии и общем источниковедении.

Принцип ограничения круга «актов» документами сделочного характера имеет этимологические, социологические и методические основания.

Термин «акт» восходит к глаголу *«ago»* («действую»). Поэтому понятие «акт» этимологически правомернее применять к источникам сделочного, договорного содержания. Слово «документ» происходит от глагола *«doceo»* — «учу» или «извещаю», вследствие чего является синонимом таких общих понятий, как «сообщение», «информация» или «свидетельство», «доказательство». Отсюда видно, что этимологически понятие «документ» шире понятия «акт»⁹.

Для отождествления «актов» с «грамотами» также нет достаточных оснований. Слово «*γράμμα*» близко по смыслу к термину *«documentum»* в значении «сообщение, свидетельство». Среди источников, называющих себя «грамотами», имеется большое количество документов недоговорного содержания, и в то же время целый ряд разновидностей актов (особенно XVIII—XIX вв.) не входит в число «грамот». Только часть «грамот» представлена документами, имеющими содержание и юридическую форму договоров.

С социологической точки зрения необходимость выделения источников договорного характера из общей массы «документов» обусловлена фактом существования в системе общественных и политических связей таких групп отношений, которые получают оформление в виде юриди-

⁹ См. Н. Н. Арадашев. Указ. соч., стр. 123.

ческих сделок и договоров; следовательно, выделение это не искусственно. Будучи естественным, оно позволяет исследовать определенные специфические особенности общества на том или ином этапе его развития.

Без отделения договорных документов от просительных, процессуальных, указных, законодательных и т. п. невозможно разработать методику дипломатического анализа. Все документы, в том числе и договорные, имеют некоторые общие признаки построения вступительной и заключительной частей. Однако, если в договорных документах основное содержание представляет собой комбинацию готовых формул, каждая из которых выражает определенное условие договора и повторяется из документа в документ, то в других видах документов содержание, не будучи основано на устоявшихся юридических принципах договора известной разновидности, является более непосредственным «снимком» с действительности и поэтому находит выражение в описательных формулировках, носящих черты индивидуализации каждого отдельного случая или объясняющих новые общие юридические принципы. Отсюда разница в методике анализа договорных и недоговорных документов: готовые формулы требуют принципиально иных приемов исследования, чем описательные формулировки¹⁰.

Таким образом, под «актами» как предметом дипломатики мы подразумеваем документы, в которых в форме определенных юридических норм зафиксированы экономические или политические сделки, договоры между «частными лицами»; «частным» (юридическим или физическим) лицом и государством (или церковью); между церковью и государством; между государствами¹¹.

Следует оговориться, что понятие «частные лица» весьма условно для периода феодализма, когда феодалы обладали политической властью в пределах своих владений и политическая власть в стране была разделена между государством и многочисленными большими и ма-

¹⁰ Ср. С. М. Каштанов. Дипломатика как специальная историческая дисциплина. — «Вопросы истории», 1965, № 1, стр. 39—42.

¹¹ С. М. Каштанов. Акты. — СИЭ, т. 1. М., 1961, стб. 313. Сделочный, договорный характер «актов» признается и некоторыми другими современными авторами (см. К. Г. Митяев. История и организация делопроизводства в СССР. Учебное пособие. М., 1959, стр. 19).

лыми сеньорами. В соответствии с этой условной классификацией в число юридических «частных лиц» попадает такая важная категория феодалов, как монастыри. Термином «государство» мы обозначаем все самостоятельные и полусамостоятельные государственные образования вплоть до удельных княжеств.

Имеется ряд источников, которые занимают промежуточное положение между актами и неактами, являясь переходной формой от договора к «частному закону» (*lex priva*) или делопроизводственному документу распорядительного характера и т. п. Например, некоторые церковные уставы, будучи, с одной стороны, договорами между княжеской и церковной властью, являются, с другой стороны, законами, регулирующими отношение подданных к церкви. В таком же промежуточном положении находятся и жалованные грамоты, где элемент договора контрагентов (князя и грамотчика) сочетается с элементом распорядительным, вытекающим из политического неравенства контрагентов, из которых один (княжеская власть) обладает в ряде случаев (особенно на поздней стадии феодализма, когда формируется абсолютизм) большими возможностями диктовать свои условия, чем другой. Вместе с тем указные грамоты, по содержанию часто близкие к жалованным, принципиально отличаются от них с точки зрения характера отношений между дателем и получателем грамоты. Здесь уже нет элементов договора или сделки, а присутствует только распоряжение высшего органа власти низшему. Изучая положение актов в ряду других документов, нужно иметь в виду, что даже весьма устойчивые разновидности актов в отдельных своих частях подвергаются влиянию неактов. В свою очередь, акты воздействуют на построение других видов документов. Все эти взаимодействия обычно отражают изменения в общественных отношениях своего времени. Наличие такого рода явлений свидетельствует об отсутствии непрочитанной грани между актами и неактами.

§ 2. Задачи дипломатики

Дипломатика есть актовое источниковедение. Это значит, что она выполняет на актовом материале все задачи общего источниковедения. Цель дипломатики состоит в

том, чтобы, во-первых, определить происхождение различных групп актов и их роль в эволюции общественных отношений и, во-вторых, добыть из актовых источников фактическую основу для исторических построений разных планов — подготовить источник к использованию в исторических целях.

Первая задача требует выяснения прежде всего классовой сущности содержания акта, его политической направленности, степени добровольности заключения договора сторонами и степени компромиссности условий. Для определения социальной природы акта важное значение имеет классификация актов по происхождению — в соответствии с классификацией общественной структуры, порождающей акты. Раскрытию конкретных обстоятельств происхождения актов служит изучение истории канцелярий, откуда они вышли. Исследование эволюции содержания актов и сопоставление результатов этого исследования с проверенными данными других источников является необходимым условием определения роли актов в общественных отношениях.

Таким образом, разрешение первой задачи невозможно без параллельного выполнения второй — обработки источника для использования его содержания в историческом построении. Это не означает, однако, что вторая задача полностью подчиняется первой. Первая задача требует исторического построения только в одном плане — раскрывающем роль актов как средства воздействия на определенные сферы общественных отношений. Источник же отражает, хотя и в разной степени, различные стороны общественной жизни и, следовательно, может быть использован в целом ряде исторических построений. Отсюда ясно, что вторая задача сводится к выяснению степени достоверности акта в целом и требует его всестороннего исследования.

Проблему установления подлинности актовых материалов, т. е. проблему отличия подлинных актов от подложных, мы не выделяем в число главных задач дипломатики, ибо решение ее — неизбежный побочный результат выполнения двух указанных выше задач.

§ 3. Дипломатика и другие исторические дисциплины

Дипломатика, возникшая как наука о подлинности документальных источников, первоначально включала в себя ряд других дисциплин, занимающихся изучением подлинности: палеографию, хронологию, сфрагистику и пр. Такое понимание объема дипломатики характерно не только для исследователей XVII в., но и для некоторых дипломатистов XX в.

Несостоятельность этой точки зрения при современном состоянии исторических наук кажется очевидной. Во-первых, с помощью палеографии и других дисциплин, включавшихся некогда в дипломатику, изучается подлинность источников разных видов, в том числе тех, которые не являются предметом дипломатики (нarrативные памятники и др.). Во-вторых, эти дисциплины приобрели определенное самостоятельное значение, превратившись из вспомогательных по отношению к источниковедению (хотя эту функцию они сохраняют в полной мере и поныне) специальные разделы общей истории культуры и отчасти техники. В-третьих, поскольку в задачу дипломатики входит исследование содержания актов через актовый формуляр, дипломатика имеет цели, принципиально отличные от целей палеографии и других так называемых вспомогательных исторических дисциплин».

В предмет традиционной дипломатики вошла история канцелярий и нотариата. Включение этой отрасли знаний в дипломатику объясняется необходимостью изучения целого ряда формальных особенностей актов главным образом с целью установления места и времени их возникновения и степени подлинности. Строго говоря, история канцелярий относится к предмету истории государственных учреждений, и ее было бы правильнее считать не оставной частью дипломатики, а вспомогательной по отношению к ней дисциплиной типа палеографии и хронологии. При этом не следует упускать из виду самостоятельное значение предмета истории государственных учреждений. Только в рамках этой дисциплины история канцелярий и нотариата получает наиболее правильное и полное раскрытие.

Кроме изучения состава лиц, ведавших выдачей и оформлением документов (история канцелярий в узком

смысле слова), в дипломатику очень часто включается исследование постановки делопроизводства в канцеляриях, т. е. документоведение (А. А. Введенский и др.). Это связано с пережитком старого понимания дипломатики как науки о подлинности документов. Нам бы хотелось подчеркнуть коренное отличие дипломатики от документоведения. Дипломатика занимается исследованием всего формуляра, а значит, и содержания актов. Документоведение ограничивается изучением технической стороны делопроизводства и формальных признаков вступительных и заключительных частей документов. Следовательно, документоведение имеет своим предметом все документы, но рассматривает их под определенным узким углом зрения, не ставя своей задачей анализ содержания источника¹². Предметом дипломатики являются только акты. Однако цель этой дисциплины состоит в изучении содержания актов как источников, в которых действительность получила отражение в специфической форме, требующей особых приемов источниковедческого анализа¹³.

Будучи частью источниковедения, дипломатика не является вспомогательной по отношению к нему дисциплиной. Дипломатику и источниковедение отличают друг от друга не задачи и цели исследования, а лишь предмет (источники разных видов в источниковедении и источники особого вида — акты — в дипломатике). Специфика предмета порождает специфические методы дипломатики, однако в основном методы дипломатики и источниковедения идентичны¹⁴.

¹² Ср. К. Г. Митяев. Документоведение, его задачи и перспективы развития. — «Вопросы архивоведения», 1964, № 2, стр. 35.

¹³ О связи дипломатики с историей учреждений и делопроизводства см.: К. Г. Митяев. История и организация делопроизводства, стр. 13.

¹⁴ В. В. Фарсобин предлагает делить науки лишь по методам, которыми они пользуются, абстрагируясь от предмета, к которому эти методы прилагаются, и с этой точки зрения считает дипломатику наукой формулярного анализа, приложимого ко всем видам письменных источников (В. В. Фарсобин. К определению предмета источниковедения (Историографические заметки). — «Источниковедение истории советского общества», вып. II, М., 1968, стр. 402, 408). Однако все дело в пределах применения формулярного анализа, а эти пределы определяются спецификой объекта исследования. Даже если элементы формулярного анализа могут быть использованы при изучении, например, художественной прозы, от этого фор-

Напротив, текстология отличается от источниковедения не объектом изучения, а объемом своих функций. Текстологические приемы исследования могут рассматриваться как часть общей методики источниковедения¹⁵. Они находят применение и в дипломатике.

По предмету, целям и методам исследования дипломатика является исторической дисциплиной того же порядка, что и источниковедение. Поэтому, подобно источниковедению, она может быть определена в качестве специальной исторической дисциплины.

Специфическим методом и одновременно главным отличительным признаком дипломатики как науки является формулярный анализ, в котором широкое применение находят дипломатическая текстология и дипломатическая статистика.

Вспомогательное значение имеют в дипломатике методы других дисциплин. Применение их к актам позволяет выделить не в дипломатике, а в самих этих дисциплинах специальные разделы — такие, как актовая палеография, актовая сфрагистика, актовая хронология, актовое документоведение и др. Развитие названных разделов происходит в теснейшей связи с развитием дипломатики. Для интерпретации текста актовых источников необходима соответствующая подготовка в области исторического языкоznания, исторической географии, ономастики, метрологии, генеалогии, нумизматики, истории права, общей истории. Для изучения истории хранения и использования актов требуется знание архивоведческих дисциплин, в первую очередь истории архивного дела.

§ 4. Принципы классификации актов

В формальной дипломатике широко распространено имствованное у юристов деление «актов» на «удостовительные» (*l'acte juridique, negotium, actio, Handlung*) «косвеводительные» (*l'acte instrumentaire, instrumentum*, лярный анализ не станет господствующим методом в литературении, ибо сам источник диктует другие способы его изучения. Только в применении к актам формулярный анализ является основным, решающим методом.

¹⁵ Ср. С. Н. Азбелев. Текстология как вспомогательная историческая дисциплина. — «История СССР», 1966, № 4, стр. 83—

conscriptio, Beurkundung). К первым относятся «акты» в собственном смысле слова, ко вторым — главным образом «записи», которые не являются документами договорного содержания, т. е. актами в нашем понимании (например, инвентари, протоколы, счета и т. п.). Наряду с этим существует деление актов на «публичные» и «частные», на подлинные и подложные. Все эти критерии классификации абстрагируются от акта как социального явления.

Сама категория «акты» является понятием классификационным. По общепринятым мнению, «акты» представляют собой «вид» исторических источников. Разделение источников на «виды» есть осуществление принципа юридической классификации. Нам уже приходилось отмечать, что классификация источников по юридическому признаку имеет реальные основания и отвечает задачам социологического исследования истории развития отдельно взятых институтов в разные эпохи. Под «видами» письменных источников мы понимаем такие группы памятников, которые имеют сходные внешние признаки происхождения, содержания и формы¹⁶. «Акты» различных эпох и народов объединяются в один «вид» благодаря наличию у них именно таких общих внешних (формально-юридических) признаков: их происхождение — результат сделки контрагентов, содержание — определение взаимных условий, форма — комбинация устойчивых статей. Но поскольку юридическая классификация не отражает различий в классовой сущности, политической направленности, удельном весе «актов» в кругу других источников в зависимости от того, к какой формации они принадлежат, т. е. не вскрывает их внутренних конкретно-исторических особенностей, постольку она должна быть соотнесена с общей первичной классификацией источников и поставлена в ее рамки.

В качестве общей классификации письменных источников нами принята классификация по происхождению. Ее первичное значение мы видим в том, что она строится на учете объективных закономерностей происхождения

¹⁶ С. М. Кастанов, А. А. Курносов. Некоторые вопросы теории источниковедения. — «Исторический архив», 1962, № 4, стр. 178.

источников в связи с закономерностями внутренней структуры общества¹⁷.

Под происхождением понимается сумма признаков, характеризующих конкретные условия и причины создания источника (сфера возникновения, авторство, цель).

Сфера возникновения источника является непосредственной частью общественных отношений (речь здесь идет о письменных источниках). По сферам возникновения источники делятся нами на типы.

Основная трудность деления источников на типы по принципу происхождения заключается в установлении граней между различными сторонами общественных отношений, особенностью развития которых на разных стадиях исторического процесса является взаимопроникновение, частичное слияние. Эта проблема чрезвычайно слабо изучена в современной социологии. При классификации источников эпохи феодализма, например, надо иметь в виду специфику феодальной экономики, в которой основные группы отношений (формы собственности на средства производства, взаимоотношения между классами и социальными группами в процессе производства и формы распределения продуктов) носят, говоря словами Маркса, «непосредственно» политический характер¹⁸. Однако сохранение элементов старого первобытнообщинного уклада в рамках феодальной формации, наличие элементов товарного производства и обращения, наконец, зарождение турбулезных производственных отношений — все это в той или иной степени (зависимой от удельного веса наведенных факторов) ограничивает проявление «непосредственно политического характера» феодальной экономики.

В различных формациях происходят разного типа взаимо действия экономических, политических, культурно-научных и семейно-личных отношений, но выделение смешанных сфер возникновения источников не противоречит самому принципу классификации по сферам возникновения.

Трудности реализации принципа классификации источников по происхождению еще никак не опровергают сам

¹⁷ Подробнее см.: С. М. Каштанов. Предмет, задачи и методы дипломатики. — «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». М., 1969, стр. 153—159.

¹⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, р. 403.

принцип. Этот принцип естествен, поскольку источник возникает в конкретной среде и при конкретных обстоятельствах. Очевидно, для каждой эпохи должны существовать конкретные схемы классификации источников по происхождению, при этом всегда будут чистые и смешанные типы, но удельный вес разных типов источников окажется важной специфической чертой эпохи и поможет изучению ее социальных особенностей.

Нельзя подменять вопрос о происхождении источника из какой-либо вполне определенной части общественных отношений вопросом о всем комплексе факторов исторического развития, подготовивших возникновение источника и отразившихся в его содержании, ибо здесь фактически начинается смешение принципов происхождения и содержания. Включая в «происхождение» источника факторы, опосредствованные той частью отношений, которая является сферой непосредственного возникновения источника, мы должны будем понимать под «происхождением» весь исторический процесс в целом и лишним тем самым принцип происхождения всякого классификационного значения. Разные стороны исторического процесса опорядствуются в содержании источника. Поэтому-то содержание и не может служить основой для классификации — оно теоретически неделимо.

Вторая стадия классификации ведется по авторскому признаку. Внутри сфер возникновения источников их создатели объединяются в несколько больших групп, которые, выражая основной признак авторства — место автора в общественной структуре, служат критерием для разделения источников на определенные роды по их происхождению от того или иного класса или общественно-политического института. При этом различаются источники внутриродового и межродового происхождения. Первые создаются усилиями одного класса или одного общественно-политического института (например, купчие на землю, заключенные между феодалами), в создании вторых принимают участие представители разных классов или общественно-политических институтов (например, порядные грамоты, заключавшиеся в XVI—XVII вв. между феодалами и крестьянами).

В какой мере может быть выявлен и использован при классификации третий признак, включаемый нами в принцип происхождения, — цель создания источника? Осоз-

нанная или не осознанная автором цель создания письменного документа состоит в том, чтобы повлиять определенным образом на определенную сферу или сферы отношений. Иными словами, цели различаются по образу воздействия и по объекту воздействия.

Рассмотрим первоначально возможности классификации по объекту воздействия. Предназначенная источнику сфера действия далеко не всегда совпадает со сферой его возникновения. Источники, созданные в сфере экономических отношений, часто предназначаются для регулирования не всего комплекса этих отношений, а более узкого экономического сектора, например, взаимоотношений между собственником средств производства и непосредственным производителем и т. п. Цель их может также сводиться к изменениям в области производительных сил. Источники, возникшие в сфере политических отношений, могут предназначаться для регулирования определенной части этих отношений: внутреннего управления, внешней политики и т. д. Кроме того, источники политического происхождения нередко создаются с целью повлиять на развитие производительных сил, экономических отношений и др.

В рамках определенных больших сфер действия ряд источников имеет более конкретное предназначение. Например, среди источников, создаваемых с целью перераспределения земельной собственности, различаются источники, предназначенные для оформления отношений: а) купли-продажи, б) обмена и т. п.

Таким образом, по объекту воздействия (под объектом подразумевается определенная сфера отношений) источники делятся на большие группы, распадающиеся на подгруппы и секции. При этом неизбежно существование значительного числа смешанных групп, подгрупп и секций.

Образ (способ) воздействия — это специфическая форма выражения общественного сознания, которая определяется функциями автора в сфере возникновения источника и максимально эффективными возможностями их реализации в сфере воздействия в условиях той или иной конкретно-исторической ситуации. Из способов воздействия источников наиболее известны законодательный, договорный, распорядительный, процессуальный, просительный, информационно-отчетный, описательно-статистиче-

ский, научно-исследовательский, научно-популяризаторский, эмоционально-художественный и другие, в том числе смешанные способы. Все эти способы воздействия, вызванные к жизни структурой общественных отношений, осуществляются в специфических правовых и соответствующих им литературных формах, обусловленных спецификой их общественной функции. Отсюда юридическое значение продуктов этой реализации — видов исторических источников.

Уточнение сферы воздействия (деление группы на подгруппы и секции) уточняет специфику способа воздействия и обуславливает деление вида на подвиды и разновидности. Подвид — это категория деления вида на большие подгруппы источников. Внутри подвида существуют отдельные секции (разновидности). В статье, написанной нами совместно с А. А. Курносовым, дается следующее определение разновидности: «Разновидность — существующая внутри вида группа документов, объединяющихся по основным и большинству второстепенных признаков, при этом основными являются общие признаки вида, второстепенными — специфические признаки разновидности»¹⁹. Необходимо подчеркнуть, что разновидность — категория, устанавливаемая в процессе классификации источников по принципу происхождения. Специфические признаки разновидности зависят от особенностей той узкой сферы воздействия, для регулирования которой предназначены источники определенной подгруппы, а внутри нее — секции.

Простейшее звено классификационной схемы — отдельный источник — мы рассматриваем также с позиций принципа происхождения, видя в нем памятник, созданный человеком или группой лиц для сохранения, укрепления, изменения или уничтожения определенных материальных факторов, отношений и взглядов (экономических, политических, эстетических, художественных, научных и т. п.).

Происхождение письменных источников связано с целевым характером деятельности людей. Эта деятельность протекает в различных сферах. Целенаправленность возникновения источника в каждой сфере обуславливает отбор фактов и их изложение, т. е. построение содержания

¹⁹ С. М. Кастанов, А. А. Курносов. Указ. соч., стр. 180.

источника под определенным углом зрения. Без правильного осуществления классификации источников по принципу происхождения невозможно достаточно точно определить этот угол зрения — исследование содержания будет вестись в значительной степени вслепую. Вот почему нельзя согласиться с мнением, что теоретическая классификация не имеет важного значения для источниковедческой работы в целом.

Акты, как и всякий исторический источник, являются продуктом определенных социальных отношений. Происхождение актов в тех или иных сферах общественной жизни отражает специфику социально-экономической и политической структуры страны.

Выше подчеркивалась условность деления актов периода феодализма на публичноправовые и частноправовые. Тем не менее при общей постановке проблемы происхождения актов нельзя игнорировать вопрос о том, какие акты появились раньше, «публичные» или «частные».

Для отношений переходного периода от дофеодального строя к феодальному и для раннефеодальных отношений характерна значительная неустойчивость и неоформленность т. н. «частной» земельной собственности. Роль публичного права, теснейшим образом связанного с обычным правом дофеодального периода, очень велика. Поэтому в странах нарождающегося феодализма публичноправовые акты появляются раньше частных. Недостаточная развитость отношений собственности определяет и то обстоятельство, что на стадии зарождения феодализма социальные проблемы возможно решать в общих законах, а не в частных «договорах». Внутриполитическая деятельность государства получает более раннее выражение в законах, чем в актах (ср. хронологическое соотношение «варварских правд» и первых королевских дипломов в странах Западной Европы, Правды Ярослава и первых жалованных грамот на Руси).

В этих условиях «договорный» тип отношений возникает раньше всего в сфере внешней политики.

Первыми известными русскими актами являются договоры Руси с Византией X в., текст которых дошел до нас в составе Повести временных лет.

Изменения в удельном весе различных по своему происхождению типов актов в общем комплексе актовых материалов связаны с эволюцией общественных и политиче-

ских отношений. Учет хронологии необходим при классификации источников вообще и актов в частности, ибо социальная структура, служащая основанием классификации, существует во времени и пространстве, которые и определяют ее характер.

Классификация актов по типам (обозначаются ниже «арабскими» цифрами) и родам (обозначаются буквами) служит средством введения актовых источников в рамки общей классификационной схемы. Мы касаемся здесь только материалов эпохи феодализма (при этом порядок групп в каждом разделе обусловливается удельным весом той или иной группы в определенную эпоху).

I. Акты периода становления феодализма

1) договоры, возникшие в сфере социально-политических отношений:

- а) между государствами;
- б) между государством и церковью;

2) сделки, возникшие в сфере социально-экономических отношений разлагающегося рабовладельческого общества (эта группа актов характерна лишь для обществ, переходящих от рабовладельческого строя к феодальному):

- а) между собственником средств производства и отдельными рабами (вольноотпущенниками);
- б) между свободными частными лицами.

II. Акты периода раннего феодализма

1) договоры, возникшие в сфере социально-политических отношений:

- а) между государствами;
- б) между государством и церковью;
- в) между княжеской (или церковной) властью и «частными» лицами;

2) сделки, возникшие в сфере социально-политически-экономических отношений между собственниками средств производства — «частными» лицами.

III. Акты периода развитого феодализма

1) договоры, возникшие в сфере социально-политически-экономических отношений:

- а) между собственниками средств производства (социальный состав которых меняется по сравнению с эпохой раннего феодализма);

б) между собственником средств производства и коллективом непосредственных производителей (или отдельным производителем);

в) между владельцами средств производства (непосредственными производителями);

2) договоры, возникшие в сфере социально-политических отношений:

а) между носителями высшей власти (государственной или церковной) и «частными» феодалами;

б) между различными носителями государственной власти (князьями, герцогами, королями и т. п.);

в) между представителями светской и духовной власти.

IV. Акты периода позднего феодализма

1) сделки, возникшие в сфере социально-экономических отношений:

а) между собственником средств производства и отдельным производителем или отдельной семьей (группой семей) непосредственных производителей;

б) между собственниками средств производства;

в) между владельцами средств производства;

2) договоры, возникшие в сфере политических отношений:

а) между государствами;

б) между церковью и государством.

Это лишь наиболее общая схема, которая в дальнейшем может быть уточнена, но уже из нее мы видим, что в разные периоды развития феодализма акты преобладают в различных сферах общественно-политической жизни. Так, например, в эпоху становления феодализма акты создаются главным образом в сфере социально-политических отношений, а в период позднего феодализма — в основном в сфере экономических отношений. Это не значит, что во время зарождения феодализма не было социально-экономических отношений, а в условиях позднего феодализма — внутриполитической борьбы. Просто не всякий тип социально-экономических или политических отношений порождает акты, т. е. документы договорного характера. Схема классификации по происхождению как раз и должна помочь социологическим исследованиям аммим фактом четкого установления тех частей общественной структуры, тех систем связей, которые порождают

акт. Существующее весьма широкое применение термина «акт» этому не служит²⁰.

Выше проведена генерализирующая классификация актов, ставящая их в рамки типов и родов, причем выяснилось, что среди актов значителен удельный вес источников межродового происхождения — заключенных между представителями различных классов и социальных групп, между различными политическими институтами и корпорациями.

По общему способу воздействия, т. е. по видам, акты делить не приходится, ибо это источники договорного способа воздействия, представляющие собой вид. Их деление по частным сферам и способам воздействия есть деление на подвиды и разновидности. Это уже классификация детализирующая, устанавливающая специфику происхождения актов той или иной страны.

Теоретические основы детализирующей классификации актов в русской буржуазной историографии начала ХХ в. сформулировал В. И. Веретенников. Он различал два вида классификаций: историческую и юридическую. Историческая классификация включает в себя, по мнению автора, во-первых, выяснение того, к какой разновидности относили акт его современники, во-вторых, распределение актов во группам в связи с выяснившимися терминами, в-третьих, установление «идеального формуляра» или одинаковых клаузул всех актов определенной группы, в-четвертых, разделение основных клаузул на «основные реальные», т. е. относящиеся «исключительно к самой сущности запечатлеваемой актом сделки», и «основные протокольные», «которые выражают действия, только определяющие собой внешнее оформление акта именно данной разновидности»²¹. Видя «опасности» исторической классификации в невозможности объединения всех актов данного наименования в идеальном формуляре из-за того, что древние юристы могли отнести разные акты к одной и той же разновидности, и трудность составления идеального формуляра в случае малочисленности актов²², Веретенников находил выход из подобного положения в юридической классификации, где все акты

²⁰ Подробнее см.: С. М. Каштанов. Предмет, задачи и методы дипломатики, стр. 162—163.

²¹ В. И. Веретенников. Указ. соч., стр. 11—12.

²² Там же, стр. 13—14.

«будут распределены по тем разновидностям частноправовых актов, которые имеются в современной юридической практике и теории»²³. Автор указывал три этапа юридической классификации: выяснение сущности сделки, подведение ее под современные гражданские понятия, отнесение акта к группе, носящей «современное юридическое название акта, ныне закрепляющего такие сделки»²⁴.

Как видим, у Веретеникова основная задача детализирующей классификации сводится к отысканию подходящей номенклатуры для актов. Автор готов прибегнуть даже к подведению содержания сделки под современные гражданские понятия, чтобы добиться искусственного соответствия номенклатуры и идеального формуляра. По нашему мнению, детализирующая классификация, в которой, конечно, обязательно использование современной актам номенклатуры в наиболее точном ее смысле, должна заниматься не механическим примирением номенклатуры и юридического содержания актов, а распределением актов в связи с их целевым назначением. Иначе говоря, необходимо выяснить ту более или менее узкую сферу, для воздействия на которую создавался акт, и специфику способа воздействия, заложенного в данном подвиде или данной разновидности актов.

Возьмем русские иммунитетные грамоты и попробуем применительно к ним проследить все стадии генерализующей и детализирующей классификации. Изучаемые материалы — это источники, возникшие в сфере социально-политических отношений (типа), в процессе развития взаимоотношений между носителями государственной власти и «частными» феодалами (род), договорного способа воздействия — акты (вид), действующие на а) податной, б) судебный, в) таможенный, г) административный статус феодальных владений (подвиды) специфическими средствами: в подгруппе «а» — путем постоянного освобождения от главных налогов («безданные», потом «тарханные» грамоты) или путем временного освобождения от главных налогов («льготные» грамоты) и т. д.; в подгруппе «б» — путем освобождения от наместничего суда («несудимые» грамоты), путем предоставления льготных сроков вызова в великонижегородский суд («односроч-

ные», «двусрочные», «трехсрочные» грамоты) и т. д.; в подгруппе «в» — путем предоставления прав беспошлинного проезда («проезжие» грамоты) или путем предоставления прав беспошлинного проезда и торговли («тарханные проезжие» грамоты) и т. п.; в подгруппе «г» — путем освобождения от постоев ездоков (бережельные от ездоков), путем освобождения от приезда незваных гостей (бережельные или заповедные от гостей) и т. п. (разновидности)²⁵.

Таким образом, классификация актов по происхождению не является голой схемой, в которую не помещаются конкретные подвиды и разновидности актов. Она вполне реализуема.

При реализации классификационной схемы мы нередко имеем дело не с «чистыми» разновидностями актов, а с сочетанием в одном документе нескольких разновидностей. Так, жалованная грамота, содержащая и несудимый, и тарханный, и заповедный, и проезжий разделы, должна быть охарактеризована как тарханно-несудимая, заповедная и проезжая. Значительная вариация подобных сочетаний в конкретных документах определяет многообразие смешанных разновидностей актов.

²³ В. И. Веретеников. Указ. соч., стр. 15.

²⁴ Там же.

²⁵ Ср. С. М. Кащенко. К вопросу о классификации и составлении заголовков жалованных грамот. — «Исторический архив», 1956, № 3.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МЕТОДИКА ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение актовых материалов проходит, по крайней мере, пять стадий: 1) анализ внешней (материальной) формы актов определенной разновидности; 2) анализ внутренней формы актов определенной разновидности; 3) выяснение социального и политического происхождения актов и отдельно взятого акта определенной разновидности; 4) выяснение достоверности содержания актов и отдельно взятого акта определенной разновидности; 5) использование актов определенной разновидности для исторических построений на заданные темы (в синтезе с использованием актов других разновидностей и источников других видов).

Одной из задач палеографического анализа актов является классификация их по почеркам с целью установления принадлежности акта к той или иной канцелярии. Этой же цели может в какой-то мере служить и изучение филиграней. Кроме того, анализ внешней формы акта помогает решению вопроса о его подлинности.

§ 1. Типы формуляров

Под внутренней формой мы понимаем структуру и стилистические особенности текста источника. Внутренняя форма не исчerpывается формуляром. В понятие «формуляр» включаются по существу схемы четырех типов: 1) наиболее общая схема построения документов в целом (назовем ее «условный формуляр»); 2) общая схема построения документов определенной разновидности (назовем ее «абстрактный формуляр»); 3) схема построения определенных небольших групп документов внутри разновидности (назовем ее «конкретный формуляр»); 4) схема построения отдельно взятого текста (назовем ее «индивидуальный формуляр»).

В западноевропейской дипломатике еще со времен средневековья установилось довольно дробное деление

условного формуляра. В нем различаются *invocatio* (посвящение богу, «богословие»); *intitulatio* (обозначение лица, от которого исходит документ); *inscriptio* (обозначение адресата); *salutatio* (приветствие); *arenga*, *exordium*, *prooemium*, *prologus* (преамбула); *promulgatio*, *publicatio*, *praescriptio*, *notificatio* (публичное объявление); *narratio* (изложение обстоятельств дела); *dispositio* (распоряжение, определение по существу дела); *sanctio* (запрещение нарушения документа); *corroboratio* (сведения об удостоверительных знаках документа); *datum* (место и время выдачи); *apprecatio* (заключение).

Т. Зиккелем и Ю. Фиккером (60—70-е годы XIX в.) было введено подразделение условного формуляра на «протокол» (по Зиккелю), или «начальный протокол» (по Фиккеру); «текст»; «эсхатокол» (по Зиккелю), или «конечный протокол» (по Фиккеру). В «начальный протокол» входят *invocatio*, *intitulatio*, *inscriptio*, *salutatio*; в «текст» — *arenga*, *promulgatio*, *narratio*, *dispositio*, *sanctio*, *corroboration*; в «конечный протокол» — *datum*, *apprecatio*¹. Итак, условный формуляр делится на три части, состоящие каждая из нескольких компонентов. В указанной схеме мало удачным с терминологической точки зрения представляется понятие «текст», ибо в современной науке им обозначают чаще весь текст источника в целом. Поэтому то, что в западной дипломатике именуется «текстом», мы предложили бы называть «основной частью» условного формуляра.

В западноевропейской дипломатике имеются специальные труды, посвященные исследованию отдельных компонентов условного формуляра.²

¹ См., например: A. G i r y. Manuel de diplomatique. Paris, 1894, p. 531—590; A. de B o ū a r d. Manuel de diplomatique française et pontificale. Diplomatique générale. Paris, 1929, p. 253—299; H. O. M e i s n e r. Urkunden- und Aktenlehre der Neuzeit. 2-te Aufl. Leipzig, 1952, S. 103—104.

² См., например: B. K r u s c h. Studien zur fränkischen Diplomatik. Der Titel der fränkischen Könige.—«Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften». Jahrgang 1937, Philosophisch-historischen Klasse. N 1. Berlin, 1937; V. M o š i n. Sankcija u visantijskoj i u južnoslavenskoj čirilskoj diplomatici. Dubrovnik, 1954; J. R u i z C o l o n j a. Valor literario de los preámbulos de la cancellería real catalano-aragonesa en el siglo XV.—«Boletín de la Real Academia de Buenas Letras de Barcelona», t. XXVI. Barcelona, 1956; H. F i c h t e n a u. Nôte sur l'origine du préambule dans les diplômes médiévaux.—«Moyen âge», t. LXII, N 1—2. Bruxelles, 1956;

В русской дипломатике деление условного формуляра на части принял А. С. Лаппо-Данилевский, пользовавшийся терминологией Ю. Фиккера («начальный протокол», «конечный протокол»). Что касается деления частей на компоненты, то в русской дипломатике почти не распространена соответствующая латинская схема³ и вместе с тем не выработано никаких понятий на русском языке для обозначения компонентов условного формуляра (исключение составляет термин «богословие», который встречается у А. С. Лаппо-Данилевского). По-видимому, было бы полезно, наряду с латинской номенклатурой, ввести в права гражданства русские термины типа следующих: богословие, адресант, адресат, приветствие, преамбула, объявление, повествование, распоряжение, санкция, удостоверение, выходные данные, заключение.

Поскольку деление условного формуляра на части и компоненты есть схема, не все звенья которой имеются в конкретных документах, а порядок расположения компонентов в схеме далеко не всегда соответствует их расположению в конкретных документах, анализ внутренней формы последних должен начинаться с деления реального текста на статьи, т. е. законченные по мысли выражения, являющиеся грамматически самостоятельными простыми или сложными предложениями. «Статья», на наш взгляд,— понятие более широкое, чем «клаузула». Слово «клаузула» применительно к тексту акта обозначало в средние века чаще всего особое условие, оговорку

о иже Arenga. Spätantike und Mittelalter im Spiegel von Urkundenformeln. Graz—Köln, 1957; L. S ant i f a l l e r. Über die Verbal-Invocation in Urkunden. Wien, 1961; G. Tessier. Diplomatique royale française. Paris, 1962, p. 21—27, 34, 84—101; H. Hungar. Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wien, 1964; R. B rowning. Notes on byzantine prooimia. Wien, 1966; F. D ö l g e r, J. K a g a u p o r u o s. Byzantinische Urkundenlehre. I. Die Kaiserurkunden. München, 1968 (работы по византийской дипломатике любезно указаны мне И. П. Медведевым).

³ Но см., например, использование термина *cotributio* в статье С. Н. Валка «Начальная история древнерусского частного акта» («Вспомогательные исторические дисциплины». Сборник статей. М.—Л., 1937, стр. 305). Применительно к западным и византийским актам указанная латинская схема в русской медиевистике иногда фигурирует. Она приведена и нами в статье о дипломатике (С. М. Кащанов. Дипломатика. — СИЭ, т. 5. М., 1964, стб. 230).

к договору⁴. Расширяя применение этого термина до обозначения всех договорных статей, мы воздержались бы, однако, от употребления термина «клаузула» в отношении статей, не выражающих непосредственно условий сделки или договора⁵.

Отдельные статьи текста представляют собой сложные предложения, часто периоды, главное и придаточные предложения которых, образуя законченную мысль только в совокупности, имеют, тем не менее, каждое свою специальную тему. В предложении формулировка отдельной мысли подчас состоит из ряда обстоятельственных, определительных и других оборотов и вставных придаточных предложений. Кроме того, нередко в предложении к одному подлежащему-действователю относится несколько сказуемых, носящих характер описания юридических действий и состояний. Отдельные понятия, образованные из одного или нескольких слов,— элемент статьи как объекта дипломатического анализа⁶. В элементе могут выделяться более мелкие частицы — характеристики. Следовательно, сложная статья (Ст.) делится на предложения (П), которые подразделяются на обороты (О) или являются системой оборотов, когда к одному обороту, обозначающему действователя, относится несколько оборотов, характеризующих его юридические состояния ($O_a + O_b = 1, 2, \dots, n$), или когда несколько действователей выражают однородные отношения к какому-либо субъекту ($O_a = 1, 2, \dots, n + O_b$). Обороты, в свою очередь, делятся на элементы (Э), а некоторые элементы еще на характеристики (Х). Простые статьи могут делиться на элементы непосредственно; но если внутри оборота к одному подлежа-

⁴ [С. М. Кащанов.] Клаузула.— СИЭ, т. 7. М., 1965, стб. 415.

⁵ А. С. Лаппо-Данилевский различал «юридические» и «бытовые» клаузулы (А. С. Л а п п о - Д а н и л е в с к и й. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920, стр. 137—138). Судя по приведенному им примеру, первые — статьи, входящие в *dispositio*, вторые — статьи, входящие в *narratio*. Автор сам замечает, что «части с юридическим значением в большей мере заслуживают названия клаузул, чем части с бытовым содержанием...» (там же, стр. 137); см. также: С. Н. В а л к. [Рецензия на книгу:] А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов.— РИЖ, кн. 8. Пг., 1922, стр. 255—256.

⁶ А. А. Шилов называл «элементами» то, что мы называем «оборотами» («Историческое обозрение», т. XXI. Пг., 1916, стр. 270—271, 277—292).

щему относится несколько определений, а к одному скажему несколько дополнений или обстоятельств, или если одно понятие выражено многочленно, оборот делится на отделения (Отд.), состоящие соответственно из одного главного и нескольких второстепенных членов предложения или из одного главного и нескольких второстепенных понятий.

Среди элементов и характеристик различаются реалии, формулы и описания. Реалии — имена лиц и названия географических объектов. Формулы — устойчивые выражения-штампы, переходящие из одного документа в другой. Описания — отступающие от «типовых» формул более или менее индивидуальные выражения, возникшие в силу необходимости охарактеризовать особые, не встречающиеся в предыдущих текстах понятия.

Таким образом, деление текста на статьи и ее более мелкие подразделения — результат интерпретации акта, т. е. толкования его буквального смысла, грамматической и дипломатической структуры.

На основе индивидуальных формулар известного числа актов определенной разновидности можно построить абстрактный формулар. Создание абстрактного формулара предполагает разработку типической схемы каждой статьи. В схему статьи обычно входит несколько рубрик одного или разных порядков. Рубрики отражают деление статьи на предложения, обороты, элементы и характеристики. Абстрактный формулар является подобием «сводного текста» актов той или иной разновидности. Но если юридическая школа рассматривала «сводный текст» как цель и результат дипломатического анализа, то для нас абстрактный формулар имеет значение лишь в качестве технического средства изучения эволюции внутренней формы актов. Поэтому назначение абстрактного формулара чисто практическое. Он служит «шапкой» для таблиц, куда заносятся по рубрикам статьи реальных документов, расчлененные на предложения, обороты, элементы и характеристики, причем фиксация документов в таблице ведется в порядке их хронологии. «Шапка», представляющая собой совокупность схем типичных статей актов определенной разновидности, делается с таким расчетом, чтобы в таблице могли быть отражены особенности индивидуального формулара акта. Статьи, предложения, обороты, элементы и характеристики регистрируются в таб-

лице под определенным номером, показывающим место каждого более мелкого подразделения в составе более крупного подразделения именно в данном акте, ибо табличная форма фиксации нарушает, вследствие неизбежного схематизма абстрактного формулара, представление о структуре каждого реального текста. Элементы-формулы и характеристики-формулы обозначаются знаком + в соответствующих рубриках таблицы, а все остальные элементы и характеристики передаются в соответствующих рубриках буквально.

Впрочем, и как средство дипломатического анализа абстрактный формулар имеет относительное значение, поскольку по природе своей он на практике редко может быть идеальным инструментом исследования. В самом деле, если бы абстрактный формулар создавался на основе учета всех сохранившихся актов изучаемой разновидности, в нем было бы возможно разработать схемы статей до мельчайших подробностей, и тогда особенности всех актов могли бы найти отражение в той или иной рубрике таблицы. В порядке исключения, когда разновидность представлена не массовым материалом, а считанным числом документов, построение идеальных таблиц практически реализуемо. Но когда исследователь имеет дело с многими сотнями актов, он неизбежно создает абстрактный формулар на базе выборочно взятых более или менее «типовых» актов. Выборочность в данном случае оправдана: конструирование абстрактного формулара после изучения всей массы материала, ради создания идеальной таблицы, бессмысленно, ибо таблица — не цель, а средство исследования. Поэтому табличный метод, базирующийся на абстрактном формуларе, необходимо сочетать с непосредственно текстологическим изучением актов. Прямое сличение текстов позволяет вывести конкретные формулары, т. е. формулары групп источников, из которых состоит та или иная разновидность. Воссоздание истории конкретных формуларов — главная задача дипломатического анализа внутренней формы актов (внутреннюю форму можно изучать еще и с филологической точки зрения⁷).

В основу членения индивидуального, конкретного и абстрактного формуларов кладется принцип выделения

⁷ А. С. Орешников. О применении формализации к описанию деловых текстов. — «Источниковедение и история русского языка». М., 1964, стр. 150—156.

законченных по мысли статей. Статьи текста по своим функциям делятся на сакральные; мотивировочные; содержащие обращение; уведомительные; описательные; договорные (клаузулы); указные; просительные; процессуальные; удостоверительные; при этом некоторые статьи могут носить смешанный характер. Подтверждение акта, относящееся к другому времени, мы рассматриваем как самостоятельный текст, в котором центральное место занимают обычно уведомительные, указные и удостоверительные статьи и реже присутствуют описательные и тем более договорные.

Компоненты условного формуляра могут относиться к статьям индивидуального и производных от него формуляров как часть к целому (например, *intitulatio*, *inscriptio*, *salutatio* — части статьи-обращения); как тождественные величины (например, *invocatio* составляет сакральную статью — посвящение); как целое к части (например, в *dispositio* входит обыкновенно несколько статей). В первом случае компонент условного формуляра равнозначен определенному элементу или элементам статьи. Во втором случае он тождествен самой статье. Наконец, в последнем случае в составе компонента может существовать не просто несколько статей, а несколько групп различных по теме статей. Эти группы статей, объединенные каждой единством темы, мы предлагаем считать разделами (Р) того или иного сложного компонента.

В литературе членение условного формуляра на части и компоненты смешивается с делением индивидуального формуляра на статьи. Так, А. С. Лаппо-Данилевский говорит: «В ...широком смысле каждая... мысль, выраженная в акте отдельно от других, называется клаузулой. Впрочем, вступительная и заключительная части акта обыкновенно называются начальным и конечным протоколом, ввиду чего термин „клаузула“ получает более узкий смысл»; «...В более узком смысле клаузулами можно назвать лишь те части акта, которые входят в его состав помимо начального и конечного его протокола»⁸. Но поскольку деление условного формуляра на части и компоненты не совпадает с делением текста на статьи, вопрос о начальном и конечном протоколе не имеет от-

⁸ А. С. Лаппо-Данилевский. Указ. соч., стр. 135—136.

ношения к делению на статьи. По той же причине нельзя считать обоснованным принцип деления «клаузул» на «основные реальные» и «основные протокольные»⁹. Типичное для западноевропейской и русской дипломатики смешение принципов исследования условного и индивидуального формуляров (пользуемся вводимыми нами понятиями, содержание которых раскрыто выше) наблюдаем у А. А. Введенского. Формуляр определяется А. А. Введенским как «вся сумма формул акта». Автор имеет в виду формулы индивидуального формуляра, но деление его на три части производит по принципу членения условного формуляра. «Формулы» он отождествляет с «клаузулами». «Каждое грамматически законченное целое предложение называется формулой акта или клаузулой акта», — утверждает автор. Вместе с тем в качестве «формул», а следовательно, и «клаузул» у него фигурируют компоненты условного формуляра («формула богословия», формула титула, «формула об адресе» и т. д.), которые в большинстве случаев не совпадают со статьями индивидуального и производных от него формуляров. Перечисляя компоненты условного формуляра, автор не приводит их латинские наименования (за исключением «*narratio*»), а описывает содержание «формул»¹⁰. Его описательные характеристики весьма громоздки и не могут служить удобным заменителем соответствующей латинской номенклатуры.

Совпадение статьи или статей текста с частью условного формуляра хотя и возможно, но далеко не всегда имеет место. Нередко, например, *arenga*, являющаяся компонентом основной части условного формуляра, входит в состав статьи, где за ней следуют компоненты начального протокола — *intitulatio* и *inscriptio*. А. С. Лаппо-Данилевский прав, когда он говорит, что «при расчленении текста акта на образующие его клаузулы следует, по возможности, сообразовываться с теми моментами, которые сами составители акта стремились различить в его составе, не подвергая его искусенному дроблению или более тонкому разграничению позднейшей юридиче-

⁹ В. И. Веретеников. К вопросу о методах изучения древнерусских частноправовых актов. — «Историческое обозрение», т. XXI. Пг., 1916, стр. 12.

¹⁰ А. А. Введенский. Лекции по документальному источниковедению истории СССР (Дипломатика). Киев, 1963, стр. 19—21.

ской мысли...»¹¹. Это же подчеркивает и В. И. Веретенников: «Практическое расчленение какого-либо данного акта, выделение из его состава отдельных клаузул должно базироваться прежде всего на точном понимании текста акта, на его грамматическом строе»¹².

Покажем на некоторых примерах соотношение условного формуляра с индивидуальными формулярами.

Текст договорной грамоты Новгорода с князем Ярославом 60-х годов XIII в. начинается со статьи: «Благословение от владыки, поклон от посадника Михаила и от тысяцьского Кондрата и от всех соцьских и от всех стареиших и от всего Новагорода к князю Ярославу»¹³. По своему типу это — статья-обращение. Выделим в ней обороты, элементы и характеристики.

$O_{a=1}$	— ϑ_1	: Благословение
	— ϑ_2	: от владыки
$O_{a=2}$ — Отд. I	— ϑ_1	: поклон
Отд. II	— ϑ_{1-a}	: от посадника
	— ϑ_{1-b}	: Михаила
	— ϑ_{2-a}	: и от тысяцьского
	— ϑ_{2-b}	: Кондрата
O_b	— X_1	: и от всех
	— X_2	: соцьских
	— X_1	: и от всех
	— X_2	: стареиших
	— X_1	: и от всего
	— X_2	: Новагорода
	— ϑ_{1-a}	: к князю
	— ϑ_{1-b}	: Ярославу.

Формулами являются элементы оборота a_1 , Отд. I оборота a_2 , элементы 3—5 Отд. II оборота a_2 , ϑ_{1-a} и ϑ_{2-a} в том же Отд., ϑ_{1-a} в обороте б, реалиями — ϑ_{1-b} и ϑ_{2-b} в Отд. II оборота a_2 и ϑ_{1-b} оборота б. Из компонентов условного формуляра в статье имеются salutatio ($\# 1 : O_{a1} — \vartheta_1$; $\# 2 : O_{a2} —$ Отд. I — ϑ_1), intitulatio ($\# 1 : O_{a1} — \vartheta_2$; $\# 2-6 : O_{a2} —$ Отд. II — ϑ_{1-5}), inscriptio ($O_b — \vartheta_1$).

¹¹ А. С. Лаппо-Данилевский. Указ. соч., стр. 138.

¹² В. И. Веретенников. Указ. соч., стр. 10.

¹³ ГВНП, № 1.

Следовательно, статья составляет начальный протокол, в котором отсутствует только один компонент — invocatio. Далее в грамоте идут статьи, образующие dispositio. Arenga, promulgatio, narratio отсутствуют. Иной переход от статьи-обращения к остальному тексту наблюдаем в грамоте Новгорода Колывани начала XV в.: «Благословенье от архиепископа новгородчкого владыче Ивана, от посадника Ивана Олександровичя, от тысячского Василья Есифовичя, от всего Великого Новагорода к посадникам колыванским и к ратманам и ко всем колыванчам. Буди вам ведомо: здесь мы с немчи в розмирии Свею. И вы, наши суседе, к ним бы есте не приставале»¹⁴. Первая статья («Благословенье... колыванчам») — обращение. Она имеет salutatio («Благословенье»), intitulatio («от архиепископа... Новагорода»), inscriptio («к посадникам... колыванчам») и образует начальный протокол. Вторая статья («Буди... Свею») — уведомительная. В нее включены promulgatio («Буди вам ведомо») и narratio («здесь... Свею»). Следующая статья — указная, входящая уже в состав dispositio. Итак, здесь основную часть формуляра открывает promulgatio. Arenga отсутствует. Сходное построение — в договорной грамоте князя Михаила Ярославича с Новгородом 90-х годов XIII в., где promulgatio выражается в словах: «То ти, отъче, поведаю»¹⁵. Помещение salutatio на первом месте в начальном протоколе характерно и для новгородских частноправовых грамот-писем XIII—XV вв.: «Поклно от Иева ко Прокопе»; «Чолобитье от мелника из Злостицы к Юрью к Оньцифорову»¹⁶ и т. п.

Грамотам Северо-Восточной Руси свойственны другие особенности. Докончания великих и удельных князей XIV—XV вв. обычно начинаются статьей такого типа: «По благословению отца нашего Фотия, митрополита киевского и всея Руси, на сем, брате молодшии, князь Юрьи Дмитриевич, целуи ко мне крест, к своему брату старшому, к великому князю Василью Васильевичу и к своему брату молодшому, князю Андрею Дмитриевичу, и

¹⁴ Там же, № 50.

¹⁵ Там же, № 4.

¹⁶ А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1955 г.). М., 1958, № 148, 167.

к нашему брату молодшому, ко князю Константину Дмитриевичу»¹⁷. Подвернем статью членению по нашей схеме.

П ₁ — О ₁	— Э ₁	: По благословению
	Э _{2-а} — X ₁	: отца
	X ₂	: нашего
	Э _{2-б}	: Фотия
	Э _{2-в} — X ₁	: митрополита
	X ₂	: киевского
П ₂ — О ₁	X ₃	: и всея Руси
	— Э ₁	: на сем
	О ₂ — Э _{1-а} — X ₁	: брате
	X ₂	: молодшии
	Э _{1-б} — X ₁	: князь
	X ₂	: Юрьев Дмитриевич
О ₃ — Отд. I	— Э ₁	: целуи
	Э ₂	: ко мне
	Э ₃	: крест
	Отд. II — Э _{1-а} — X ₁	: к своему
	X ₂	: брату
	X ₃	: старейшому
Э _{1-б} — X ₁	— X ₁	: к великому
	X ₂	: князю
	X ₃	: Василю Васильевичу
	Э _{2-а} — X ₁	: и к своему
	X ₂	: брату
	X ₃	: молодшому
Э _{2-б} — X ₁	— X ₁	: князю
	X ₂	: Ондрею Дмитриевичу
	Э _{3-а} — X ₁	: и к нашему
	X ₂	: брату
	X ₃	: молодшому
	Э _{3-б} — X ₁	: ко князю
	X ₂	: Константину Дмитриевичу.

П₁ — arenga. Этот компонент условного формулляра представлен здесь в весьма неразработанном виде и имеет значение преимущественно морально-юридического обоснования права участников договора на составление документа. Характер юридической ссылки яснее выражен в arenga жалованных грамот XV в., содержащих слова «по

¹⁷ ДиДГ, № 24.

отца своего грамоте великого князя (имр.)», а также льготных и оброчных грамот писцов и других должностных лиц XVI в., где на первом месте в тексте ставится оборот: «По великого князя слову» или «По великого князя грамоте». И в частных актах XV—XVI вв. встречается arenga такого типа: «По мужа своего слову Ильину»; «По благословению отца моего игумена Васьяна Троицкого Сергиева монастыря»¹⁸. В некоторых договорных грамотах князей, наряду с юридическим моментом, выделен мотив божественной милости: «Божию милостию и пречистыя его Богоматери, по благословению отца нашего Кипреяна, митрополита всея Роуси»¹⁹. В XVI в. arenga, состоящая из слов «Божию милостию», начинает включаться и в жалованные грамоты, а затем слиивается с intitulatio. В жалованных грамотах XVII в. попадается arenga с формулировкой мотива личной милости монарха: «по своему царскому милосердому осмотрению»²⁰.

В княжеских духовных грамотах XIV в. arenga дается не в форме общего рассуждения о бренности жизни или близком конце света, как это имело место в ряде западных документов, а в форме констатации возможности смерти конкретного лица — князя, автора духовной: «Аже бог что разгадает о моем животе»; «Аже что бог размыслить о моем животе»²¹. В arenga духовной Кирилла Белозерского, наряду с этим, широко представлено религиозное обоснование намерений автора: «...Смотрих, яко постиже мя старость, впадох бо в частыя и различныя болезни, болезнем на мя умножившимся ныне, яко же иногда никогда же, и ничто же ми возвещающе разве смерть и суд страшный спасов будущаго века, и во мне смутись сердце мое, исхода ради, и страх смертный нападе на мя, боязнь и трепет страшного судища прииде на мя, и покры мя тма недоумения,— что сътворити, не съвем; но възвергу печаль на господа, да той сътворить, яко же хощет,— хощет бо всем человеком спастися»²². Первая часть цитированного текста содержит некоторые конкретные сведения (о болезнях Кирилла) и поэтому приближается по

¹⁸ АСЭИ, т. I, № 90, 255 и др.

¹⁹ ДиДГ, № 15; ср. № 70 и др.

²⁰ «Акты времени правления царя Василия Шуйского». Собрал и редактировал А. М. Гневушев. М., 1914, № 49.

²¹ ДиДГ, № 1, 4.

²² АСЭИ, т. II, № 314.

своему характеру к *narratio*. Очень пространная *arenga* в духовной грамоте Ивана IV²³.

Наиболее ранний пример *arenga* в русских документах находим в договоре Олега 911 г.: «... На удержание и на извещение от многих лет межи Хрестианы и Русью бывшюю любовь, похотеньем наших князь и по повелению от всех, иже суть под рукою его сущих Руси. Наша светлость, более иных хотящих еже о бозе удержати и известити таку любовь, бывшую межи Хрестьяны и Русью, многажды право судихом, но точию просто словесен, и писанием и клятвою твердою, кленщеся оружьем своим, такую любовь известити и утвердити по вере и по закону нашему»²⁴. Со слов «многажды право судихом» и до конца статьи текст имеет черты *narratio*, так как в нем рассказывается о поведении русского князя в прошлом. Наличие в договоре довольно развернутой *arenga*, выражющей стремление к общему благу и справедливости, сближает текст с западными документами и объясняется, возможно, следованием византийскому формуляру.

Сравнительно пространная *arenga* — в договорной грамоте Великого Новгорода и Пскова с юрьевским епископом, но по типу она ближе к *arenga* докончальных грамот князей Северо-Восточной Руси, чем к *arenga* договора Олега: «Милостью божьей, стоянием светыя Софии промудрости божьи, и стояньем светыя жывоначальныя троица, и здоровьем господина нашего и государа нашего великого князя Ивана Васильевича, цара всея Руси, и здоровьем господина нашего и государа нашего великого князя Ивана Ивановича, цара всея Руси»²⁵.

Вернемся к первой статье княжеских договорных грамот. Кроме *arenga*, в ней можно видеть и другие компоненты условного формуляра: *inscriptio* (Π_2 — O_2 — \varnothing_1), *intitulatio* (№ 1: Π_2 — O_3 —Отд. II— \varnothing_1 ; № 2: там же — \varnothing_2 ; № 3: там же — \varnothing_3). В статье нет *salutatio*, но есть формула: «на сем... целуи ко мне крест». Эта формула и определяет характер второй части статьи (Π_2) как указно-договорной и является фактически формулой *dispositio*, становливая тип взаимоотношений между контрагентами. Тем самым вся статья принципиально отличается

²³ ДиДГ, № 104.

²⁴ «Памятники русского права», вып. I. Составитель А. А. Зинин. М., 1952, стр. 6.

²⁵ ГВНиП, № 78.

от статьи-обращения, свойственной классическому начальному протоколу западных документов-посланий. Можно сказать еще резче. Договорные грамоты рассматриваемой разновидности вообще лишены начального протокола, компоненты которого (*intitulatio* и *inscriptio*) вставлены непосредственно в первую статью *dispositio*.

В сходном положении находятся частные акты — купчие, меновые и др. Приведем пример из купчей середины XV в.: «Се яз, Арон старець, поселской троецкой, купил есми у Мары у Васильевы жены Борисовича и у ее внука у Ивана землю, пустошь Борисовскую, в дом живоначальной Троице»²⁶. Представим это в виде схемы.

O_1	— \varnothing_1	— X_1	:Се
		X_2	:яз
O_2	— \varnothing_{1-a}		:Арон
	\varnothing_{1-b}	— X_1	:старець
		X_2	:поселской
		X_3	:троецкой
O_3	— \varnothing_1		:купил есми
O_4	— \varnothing_1	— X_1	:у Мары
		X_2	:у Васильевы
		X_3	:жены
		X_4	:Борисовича
	\varnothing_2	— X_1	:и у ее внука
		X_2	:у Ивана
O_5	— Отд. I	— \varnothing_1	:землю
	Отд. II	— \varnothing_1	:пустошь
		X_2	:Борисовскую
O_6	— \varnothing_1		:в дом
	\varnothing_2	— X_1	:живоначальной
		X_2	:Троице.

Здесь O_3 , O_5 — Отд. I, O_6 выражают сущность сделки. Статья носит уведомительно-договорный характер и относится к *dispositio*. O_1 — O_2 — *intitulatio*; O_4 — \varnothing_1 — *inscriptio* № 1; O_4 — \varnothing_2 — *inscriptio* № 2. В работах западных дипломатистов утверждается, что некоторые договоры, в том числе меновые, имеющие статью типа «*Placuit atque convenit inter N et N quod*», лишены *intitulatio*²⁷. Но тогда следовало бы создать дополнительные термины для

²⁶ АСЭИ, т. I, № 267.

²⁷ A. G i r y. Op. cit., p. 534.

обозначения равноправных действующих лиц — участников частных сделок и т. п. Однако едва ли в этом есть необходимость. В русских частных актах субъектом *intitulatio* мы можем считать лицо, обозначению которого предшествуют слова «се аз», входящие в *intitulatio* (ср. *ego, nos* западных документов).

Некоторые разновидности актов начинаются с богословия — *invocatio*. Так, в данной игумена Василия Николаевскому Чухченемскому монастырю читаем: «Во имя отца и сына и святаго духа»²⁸. Поскольку этот компонент условного формуляра принадлежит к начальному протоколу, мы уже не можем сказать, что акт лишен начального протокола, даже если другие его компоненты (*intitulatio, inscriptio*) в тексте слиты с *dispositio*. *Invocatio*, как правило, присутствует в духовных, реже — в данных частных лицах. В княжеских духовных ранний вариант *invocatio* (XIV в.) — «Во имя отца и сына и святаго духа», более поздний (XV в.) — «Во имя святая и живоначальная троица, отца и сына и святаго духа»; в духовной Ивана IV — «Во имя отца и сына и святаго духа, святая и живоначальная троицы, и ныне и присно и во веки веков, аминь»²⁹. Случай применения в *invocatio* формулы «атеп» западной дипломатии известны.

В жалованных грамотах богословие в чистом виде, как правило, не встречается. Исключение составляет грамота XIV в. и повторяющая ее формуляр грамота XV в. Тверскому Отручу монастырю: «Во имя святая троицы, отца и сына и святого духа»³⁰.

Некоторые жалованные грамоты начинаются с выражений типа: «Святые ради живоначальные троицы» и т. п. Эти выражения не могут считаться богословием в строгом смысле слова. Предлог «ради» или «деля», «для» (вместо оборота «во имя») указывает на цель действия, поэтому вся фраза должна быть расценена как преамбула — *arenga*. Однако, поскольку она часто стоит на месте богословия и содержит некоторые общие с ним элементы (например, «святые троицы»), ее можно назвать богословской преамбулой.

Конкретная формулировка богословской преамбулы зависит от того, чье имя носит монастырь, которому грамо-

²⁸ ГВНиП, № 176.

²⁹ ДДГ, № 104.

³⁰ АСЭИ, т. III, № 116, 117.

та выдается. В грамотах Троице-Сергиеву монастырю обычно говорится: «Святыя деля троицы», «Святая ради троицы»; в грамотах Спасо-Евфимьеву монастырю — «Святаго деля спаса» и т. п. Развитие этого компонента условного формуляра как преамбулы особенно ясно проявилось в тех редакциях соответствующей статьи, где либо проводится мысль о стремлении добиться милости троицы и личного спасения³¹, либо вместо троицы прямо называется Троице-Сергиев монастырь³².

Доказать наличие в жалованных грамотах XV в. начального протокола довольно трудно, если квалифицировать первый компонент формуляра этих актов как *arenga*, а не как *invocatio*.

Подобно частным актам и междукняжеским договорным грамотам, жалованные грамоты содержат *intitulatio* и *inscriptio* в статье, ужё выражающей характер отношений, в которые вступают корреспондент и адресат: «Се яз, князь велики Иван Васильевич всея Русии, пожаловал есми Троицкого Сергиева монастыря игумена Симона з братьиною, или кто по нем иными игумен будет»³³. Распишем эту статью по элементам.

O ₁	—Э ₁	—Х ₁	:Се
		Х ₂	:яз
O ₂	—Э _{1-а}	—Х ₁	:князь
		Х ₂	:велики
	Э _{1-б}		:Иван Васильевич
	Э _{1-в}		:всех Русии
O ₃	—Э ₁		:пожаловал есми
O ₄	—Э _{1-а}	—Х ₁	:Троицкого
		Х ₂	:Сергиева
		Х ₃	:монастыря
	Э _{1-б}	—Х ₁	:игумена
		Х ₂	:Симона
	Э _{1-в}		:з братьиною
	Э _{2-а}		:или кто по нем
	Э _{2-б}		:иный игумен
	Э _{2-в}		:будет.

³¹ «Милости ради святая троица, своего ради спасенья» (там же, т. I, № 171); «Святая ради живоначальные троицы и своего деля спасенья» (там же, № 250).

³² «Святая ради Троицы Сергиева монастыря» (там же, № 197).

³³ Там же, № 567.

Статья имеет уведомительно-договорное значение, и видеть в О₃ эквивалент *salutatio* едва ли возможно. О₃ формулирует типичные для данного рода актов взаимоотношения контрагентов, поэтому статья в известной мере принадлежит к *dispositio*. В то же время формула «пожаловал есми» носит более общий характер, чем формулы частных актов, прямо указывающие разновидность сделки («дал», «купил», «менил» и т. п.), или чем формула докончальных грамот: «на сем... целуй ко мне крест». По сравнению с частными актами *intitulatio* и *inscriptio* отличаются здесь гораздо большей разработанностью. Поэтому протокольное назначение статьи явно конкурирует с диспозитивным. В ряде жалованных грамот, особенно XVI в., после первой статьи идет комплекс статей, составляющих *narratio*, чем уже структурно закрепляется отрыв первой статьи от *dispositio*.

Начальный протокол всегда присутствует в указных грамотах. Вот первая статья одной из указных грамот: «От князя Бориса Васильевича в Фоминское волостелем моим и тиуном и всем пошлинником»³⁴. По своей функции в тексте эта статья представляет собой обращение. В начальном протоколе обращение образуется из *intitulatio*, *inscriptio*, *salutatio*. Указные грамоты лишены *salutatio*, но это не меняет характера их первой статьи как статьи начального протокола. Нет в указных грамотах и *invocatio*.

Из компонентов основной части условного формуляра грамоты Северо-Восточной Руси *promulgatio* имеют редко (см. ч. V, № 2). Вопроса об *arenga* мы уже касались. *Narratio* вводится в русские акты сравнительно поздно (со второй половины XV в.) и обычно в форме пересказа челобитий тех лиц или корпораций, которым или в интересах которых выдается документ. Но в самих письмах и челобитьях *narratio*, естественно, составляло главный компонент с момента появления этих разновидностей источников, о чем свидетельствуют берестяные грамоты.

Важнейший компонент основной части — *dispositio*. Если компоненты протокола (*intitulatio*, *inscriptio* и др.) входят обычно в состав статьи, то *dispositio* во многих случаях состоит из ряда статей-клаузул.

Статьи, образующие *sanctio* в русских грамотах, не

классифицированы еще с такой же тщательностью, как это сделано в западной дипломатике применительно к документам средневековой Западной Европы, где различают *clauses injonctives* (повеление не нарушать), *prohibitives* (запрещение нарушать), *derogatives* (запрещение нарушать, несмотря на последующие постановления, противоречащие содержанию данного документа), *réservatives* (объявление неподвижности закрепленных прав), *obligatives* (клятвенное обещание не нарушать), *renonciatives* (оговорки), *communatoires* (угрожающие), среди которых выделяют угрозы духовного наказания (проклятие, анафема), угрозы гражданской расправы (денежный штраф, ссылка и т. п.). В русских грамотах наиболее распространены статьи, угрожающие «казнью», «опалой» за нарушение, объявляющие неподвижность закрепленных прав, запрещающие нарушать, несмотря на последующие грамоты. В грамоте Олега Рязанскому Ольгову монастырю второй половины XIV в. говорится об ответе перед богом: «А кто изобидит дом святой Богородицы — или князь, или владыка, или волостель, или кто иные, тот даст ответ перед богом святои госпожи Богородици»³⁵.

Corroboratio можно видеть чаще всего в статьях частных актов, где сообщается о подписях и печатах составителей документа и послухов.

В частных актах указывается иногда и писец грамоты, хотя эта статья, строго говоря, не относится к *corroboratio*.

В конечном протоколе русские акты очень редко содержат *apprecatio* (см. церковные уставы).

При сопряжении индивидуального формуляра с условным в реальном тексте сначала выделяются статьи, затем выясняется наличие и порядок расположения компонентов условного формуляра. Если несколько статей образуют одну тематическую группу, эту часть текста следует считать особым разделом (Р) определенного компонента условного формуляра. Покажем схему сопряжения индивидуального формуляра с условным на примере жалованной грамоты Василия III 1515 г. Иосифо-Волоколамскому монастырю³⁶.

³⁵ Там же, т. III, № 322.

³⁶ АФЗиХ, ч. II, № 63.

³⁴ АСЭИ, т. I, № 377.

[П р о т о к о л ь н о - д и с п о з и т и в н а я ч а с т ь]

Ст. 1. «Се яз... пожаловал... игумен ... будет».

[D i s p o s i t i o]

[P I, податной]

Ст. 2. «Что у них... не дают».

Ст. 3. «А коли пошлю... некоторым делам».

[S a n c t i o]

[P I]

Ст. 4. «На сю мою грамоту... грамоты дертной нет некоторой».

[D i s p o s i t i o]

[P II, судебный]

Ст. 5. «И волостели... одного душегубства».

Ст. 6. «А праведьчики и доводчики... ни по что».

Ст. 7. «А ведает и судит... или кому прикажут».

Ст. 8. «А случится суд сместной... на виноватом».

Ст. 9. «А кому будет... бояре введеные».

[P III, о пятне]

Ст. 10. «А лошади пятнат... не дают».

[P IV, о душегубстве]

Ст. 11. «А учинится... душегубства... не имати ничего».

Ст. 12. «А кто у них... продажи нет».

[P V, заповедный]

Ст. 13. «А наши князи... сильно не емлют».

[P VI, о рыбной ловле]

Ст. 14. «Такоже есми... тоней».

Ст. 15. «А кто мой подлечик... не емлет».

[S a n c t i o]

[P II]

Ст. 16. «А которого своего наместника... грамоты нет».

Ст. 17. «А коли явят... не дают ничего».

Ст. 18. «А кто ся ослушает... быти в казни».

[К о н е ч н ы й п р о т о к о л]

Ст. 19. «Писано на Москве, лета 7023, февраля 17 день».

Членение текста на статьи и приведение этого членения в некоторое соотношение со схемой условного формуляра есть, разумеется, лишь начальная стадия анализа документа, но без нее невозможны какие-либо сравнения изучаемого источника с другими, а также исследование эво-

люции формы и содержания документов определенной разновидности.

Если изучение истории конкретных формуляров выясняет эволюцию внутренней формы актов данной разновидности и данной страны, то применение к актам принципов членения условного формуляра служит цели прежде всего сравнительного исследования внутренней формы документов различных разновидностей и разных стран. В качестве инструмента сравнительного исследования условный формуляр у нас не оценен и совершенно не используется.

Метод членения акта на части и компоненты условного формуляра мы бы назвали условно-документоведческим, метод членения текста на статьи и элементы — грамматически-дипломатическим.

Сопряжение их, как мы видели, довольно сложно. Но грамматически-дипломатический метод сочетается еще с методом юридического членения текста по его содержанию.

В жалованных грамотах, например, А. А. Зимин предлагает различать четыре части: 1) вступительную (изложение челобитья); 2) вотчинную (перечень состава владений); 3) иммунитетную (перечень привилегий); 4) заключительную (подпись, приписки и подтверждения)³⁷. Автор провел исследование «вотчинной части» жалованных грамот Иосифо-Волоколамскому монастырю. Это исследование представляет большой интерес. Сам принцип деления текста на части по содержанию является тематическим, а не постатейным. Чаще всего в одной статье наблюдается сочетание «вотчинной» и «иммунитетной» частей, а также «вступительной» и «вотчинной». См. одну из типичных статей грамот XV в.: «Что его селцо Дементьево и с деревнями в Святыце, да что прикупил себе Дубачевские деревни четверть, и хто у него в том селце и в деревнях учнут жити людей, ино Ивану и тем людем не надобе ни подводы, ни мыт, ни тамга, ни костки, ни восемничее; ни коня моего не кормят, ни лугов моих не косят; ни к соцким, ни к десяцким с черными людми не тянут ни в какие проторы, ни в разметы, ни в ыные ни в которые пошлины»³⁸.

³⁷ А. А. Зимин. Очерки по истории феодального землевладения и хозяйства Московского государства. М., 1947, стр. 103—104 (ГБЛ, машинописный текст кандидатской диссертации).

³⁸ АСЭИ, т. III, № 85.

Каждое законченное изложение какой-то нормы права может быть охарактеризовано как «постановление», а отдельная часть такого определения — как «пункт». Поясним различия между тремя принципами членения текста документа. Скажем, адрес или титул — это категория условно-документоведческого членения текста. Статья, делящаяся на обороты и элементы,— это категория грамматически-дипломатического членения текста. И, наконец, «постановление», «пункт» (совсем не обязательно совпадающие со статьей или элементом) — это категория юридически-тематического деления.

В основе анализа индивидуальных актовых формуляров должен лежать грамматически-дипломатический принцип. Но уже на стадии выяснения конкретных формуляров ограничиться одним этим принципом невозможно, и он оказывается в известном сочетании с юридически-тематическим принципом: выделение определенных групп элементов, объединенных единством темы, рассмотрение в одном тематическом ряду постановлений, неоднородных с дипломатически-грамматической точки зрения (элементов и оборотов, даже элементов и предложений).

Выяснение социального и политического происхождения актов и отдельно взятого акта определенной разновидности базируется прежде всего на результатах исследования конкретных формуляров. Это исследование ведется методами текстологии. Текстологический анализ довольно широко распространен в западноевропейской дипломатике, особенно в дипломатике публичных актов³⁹. Л. В. Черепнин на материале княжеских духовных и договорных грамот доказал, что возникновение нового акта связано с переработкой предшествующих актов в изменившихся конкретных условиях, что акт как остаток документации прошлого не есть явление изолированное — и теснейшим образом связан с определенным феодальным архивом и его судьбами⁴⁰.

Текстология позволяет: 1) проследить развитие текста определенной разновидности и соотношение этого развития с эволюцией смежных формуляров; 2) установ-

³⁹ См., например: H. Z a t s c h e k. Beiträge zur Diplomatik mährischen Immunitätsurkunden. Prag, 1931.

⁴⁰ Л. В. Ч е р е п н и н. Русские феодальные архивы XIV—V веков, ч. 1. М.—Л., 1948.

вить степень новизны формуляра каждого конкретного акта.

Едва ли можно согласиться с отнесением текстологии к внешней критике источников⁴¹. Внешняя критика изучает внешние («материальные») особенности источника, находящиеся в ведении палеографии и сфрагистики.

Во внутреннюю критику входит исследование внутренней формы (формуляра или построения, текстуального состава) источника, чем и занимается текстология. Логический анализ текста (интерпретация, установление логических противоречий, неясностей и т. п.) составляет другую сторону внутренней критики.

§ 2. Принципы изучения происхождения и содержания актов

Для выяснения происхождения актов одной лишь текстологии недостаточно. Необходимо изучить историческую обстановку, в которой возникли анализируемые акты. Изучение обстановки, разумеется, невозможно без привлечения других видов источников, причем здесь исследователя подстерегают наибольшие опасности, ибо он вынужден непосредственно «черпать» сведения из других источников, развитие внутренней формы которых ему практически неизвестно. Дело облегчается в тех случаях, когда имеются капитальные исследования об этих видах источников. Так, изучая происхождение договорных, жалованных и других грамот XIV—XV вв., Л. В. Черепнин опирался на летописный материал. Правильному использованию летописных данных, отделению в них достоверного от недостоверного помогают фундаментальные труды А. А. Шахматова и других авторов, посвященные изучению развития летописей как таковых. Л. В. Черепнин систематически показал, что акт как явление социально-экономической и политической истории органически связан с породившей его конкретной исторической обстановкой.

Несмотря на теоретическую безупречность тезиса о конкретно-исторических причинах появления актов, уста-

⁴¹ С. Н. А з б е л е в. Текстология как вспомогательная историческая дисциплина.— «История СССР», 1966, № 4, стр. 83—84.

новление этих непосредственных причин всегда сталкивается с огромными трудностями, подчас непреодолимыми. Самы источники либо ничего не рассказывают о своем происхождении, либо выдают поводы за причины, либо говорят о причинах неполно или недостоверно. Поэтому объяснение происхождения является историческим построением, реконструкцией действительности. Создание таких построений должно быть основано на максимальном использовании синхронных изучаемому акту источников других разновидностей, хотя даже и при этом условии реконструкция не гарантирована от известного упрощения всего комплекса причин и поводов, приведших к созданию акта.

После знакомства с особенностями внутренней формы привлекаемых источников исследователь, изучающий происхождение, должен сравнить содержание изучаемого акта с содержанием соотносящихся источников по линиям историко-юридического, историко-географического, историко-политического, историко-экономического анализа. На данном этапе развития исторической науки и сам переход от анализа внутренней формы к анализу содержания, и пути историко-юридического и других форм сравнительного анализа содержания источников еще не имеют разработанной и общепринятой методики. Историко-юридический анализ сводится к сопоставлению акта с источниками тех разновидностей, которые в ином свете и разрезе представляют нормы права, зафиксированные в акте (законы, указы и т. п.). Сравнение данных источников разного происхождения помогает уяснению существа юридической нормы. При историко-географическом анализе производится идентификация фигурирующих в акте объектов с известными географическими пунктами, когда это возможно, и устанавливается их место на карте. Цель историко-политического анализа — восстановить основные черты и движущие силы политической борьбы в том центре, где был выдан акт, и в том районе, где находился объект действия юридических норм акта, роль интрагентов в этой борьбе. Для осуществления историко-политического исследования широко используются источники неактового характера, раскрывающие перипетии политической борьбы, семейные и служебные связи ее участников и т. д. (летописи, разряды, родословцы и др.). Историко-экономический анализ предполагает сравнение

данных акта с данными источниками, характеризующими экономическую конъюнктуру в районе действия норм акта (писцовые, приходо-расходные книги, памятники «материальной культуры» и т. п.).

Таким образом, анализ выходит далеко за сферу текста самого акта и генетически связанных с ним актов той же разновидности. Осмысление всего комплекса показаний и умолчаний акта или группы актов, проверенных по другим источникам, составляет содержание источниковедческого синтеза, устанавливающего конкретные причины и поводы возникновения изучаемого источника. Это равнозначно созданию гипотезы об акте как «факте истории». В историографии нет сколько-нибудь удовлетворительного определения исторического факта, хотя на тему о факте существует литература⁴², а слово «факт» фигурирует почти во всех исторических трудах. В качестве предварительной рабочей характеристики мы предлагаем следующую дефиницию: факт есть определенное ограниченное во времени единство и противоположность причин и следствия. Построением «модели» исторического факта теоретически исчерпывается функция источниковедческого синтеза, поскольку цель источниковедения (а дипломатика — его часть) — в добывании исторических фактов. На практике же синтез несет на себе дополнительную нагрузку. Углубляя вопрос о происхождении источника, он служит главным критерием правильности принятой классификации актов.

Проблема функции источника — это несколько особый вопрос, не тождественный проблеме происхождения. С одной стороны, источник возникает с уже определенной функцией, и в этом плане изучение функции входит в изучение происхождения. Но, с другой стороны, функция источника на практике оказывается шире или уже той, которая предназначается ему составителем. Эта вторая сторона дела еще мало исследована. Так, И. Шебанек, подчеркнувший недавно особенную важность изучения функции актов, имел в виду прежде всего функцию, заданную источнику при его создании. Автор пришел к выводу, что: 1) функция акта определяется отношением к его созданию представителей различных со-

⁴² Анализ ее см.: А. Я. Гуревич. Что такое исторический факт? — «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». М., 1969, стр. 59—88.

циальных слоев, ибо это отношение обуславливает содержание и форму источника; 2) изучение социальной природы акта облегчает решение вопроса о месте и обстоятельствах его возникновения — в тех случаях, когда этого не позволяет сделать метод Зиккеля; 3) знание социальной функции актов дает возможность решить один из главных вопросов дипломатики — вопрос о том, с какими документальными традициями следует считаться в различных областях дипломатии, т. е. насколько социально обусловленной является устойчивость юридических формуляров; при этом сама правовая основа формуляра рассматривается в социологическом аспекте⁴³.

Обобщение добытых фактов о происхождении и функции актов входит в задачу исторического синтеза, воссоздающего методами исторической науки историю актов определенной разновидности как социально-экономического или социально-политического явления.

Изучение процессов, отраженных в актах, — естественное продолжение исследования актов как фактов истории. Оно связано с изучением степени достоверности содержания актов.

Выяснение достоверности содержания актов и отдельно взятого акта определенной разновидности — проблема, пока еще мало разработанная и в теории, и на практике. В течение нескольких веков дипломатика была сосредоточена на изучении подлинности актов. Под подлинностью разумеется действительное происхождение источника от того автора (индивидуального или коллективного, в том числе от учреждения), который обозначен (или подразумевается) в тексте источника. Достоверность же следует понимать как необходиющую и достаточную степень соответствия между явлением и его описанием в источнике. Это соответствие никогда не бывает полным. Поэтому целесообразнее говорить о «степени достоверности» источника, чем о полной достоверности или полной недостоверности его. Изучение подлинности обычно требует изучения достоверности, ибо подлинность не всегда возможно определить по внешним признакам источника.

⁴³ J. Sebánek. Möglichkeiten der Weiterentwicklung der Diplomatik im Rahmen der historischen Mediävistik.— «XII-e congrès international des sciences historiques. Rapports», IV. Vienne, 1965], p. 152.

К тому же, многие источники сохранились лишь в копиях, а критика внешних признаков копий не дает, разумеется, ответа на вопрос о подлинности оригинала. В этих случаях критика достоверности источника является одновременно основным способом решения проблемы подлинности⁴⁴.

Вопрос о степени достоверности актов, как и других письменных источников, невозможно решить в общей форме, поскольку содержание источника представляется собой сложную систему отражений исторических фактов.

Системы отражения фактов в источниках почти совершенно неизучены. Распространено выражение и даже представление о том, что из источников мы черпаем «факты». Между тем источник отражает, причем неадекватно, лишь отдельные стороны исторических фактов, а разные факты в одном и том же источнике отражены с разной степенью неполноты и неадекватности. С точки зрения достоверности мы рассматриваем источник в четырех аспектах: 1) как объективный остаток факта его создания в самом общем смысле слова; 2) как объективный остаток материальных средств и физических усилий, затраченных на его создание; 3) как более или менее объективное отражение той правовой и литературной формы, в которую по традиции выливалось написание источников соответствующего происхождения и назначения; 4) как более или менее субъективное изображение — в определенных не вполне адекватных предмету выражениях и в определенном тенденциозном свете — тех или иных фактов (в том числе и намерений автора).

В изучение проблемы достоверности входит исследование источника главным образом в его последнем качестве. Для суждения о степени неадекватности выражений необходимо прежде всего использовать итоги анализа конкретных формуляров. Затем наступает сравнение «знакомой системы» данной разновидности источников со «знакомыми системами» источников других разновидностей и видов. Выяснение тенденциозности осуществляется сначала также в рамках текстологической и логической критики замкнутой группы источников, а затем круг источников расширяется до возможного предела.

⁴⁴ С. М. Кастанов, А. Л. Литвин. К проблеме достоверности исторических источников.— «Из истории Татарии. Краеведческий сборник». Казань, 1965, стр. 297—298.

Выяснение степени достоверности в полном объеме неосуществимо без исторических построений на заданные темы, ибо только они предполагают мобилизацию всей совокупности источников по теме и применение всего многообразия приемов источниковедческого и исторического анализа и синтеза. Исторические построения опираются на выводы о том, какую социальную роль играли акты, какое воздействие они оказывали на те или иные процессы и насколько неадекватно их запечатлели. Разница между изучением происхождения источника и использованием его в исследовании на заданную тему состоит в том, что последний тип исследования не требует источниковедческого синтеза для каждого акта и берет в качестве объекта рассмотрения не весь текст актов избранной разновидности, а лишь какую-то его часть, затрагивающую изучаемую тему. Изучение идет по линии анализа этой части формуляра актов избранной разновидности за более или менее значительный отрезок времени. Результаты текстологического анализа могут быть выражены в форме статистики клаузул (количество старых и новых клаузул и клаузульных сочетаний, их территориальное и хронологическое распределение и т. п.).

«Статистика» клаузул существенно отличается от обычной «цифровой» статистики, поскольку клаузулы, во-первых, не информируют о количественной стороне процесса, а устанавливают определенные правовые принципы и, во-вторых, являются в большинстве случаев формулярными заимствованиями, часто далекими от действительности, вследствие чего они требуют особых форм классификации и учета (архаичные или новые, в архаичном или новом контексте и т. п.). Свое объяснение статистика клаузул получает при учете соответствующих выводов историко-юридического, историко-географического, историко-политического и историко-экономического исследований, проведенных для каждого акта.

Благодаря такому источниковедческому синтезу избирательного плана возникает «построение» ряда исторических фактов, составляющего какую-то сторону изучаемого процесса. Параллельно ведется разработка других разновидностей источников в подобном же избирательном плане (та же тема). Обобщение рядов «построений» исторических фактов методом исторического синтеза дает «построение», реконструкцию процесса в целом.

II

ИЗУЧЕНИЕ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ АКТОВ. КОНКРЕТНЫЕ ФОРМУЛЯРЫ

Для целей исторического построения наиболее важным является исследование конкретных формуляров, т. е., как уже говорилось, формуляров определенных групп актов, индивидуальные формуляры которых совпадают либо целиком, либо частично. Индивидуальный формуляр, взятый сам по себе, может быть предметом лишь логической критики. Если же изучать индивидуальные формуляры в совокупности, к ним необходимо применить прежде всего метод текстологического анализа, который позволяет установить существование конкретных (групповых) формуляров.

При использовании актов в качестве источника по социально-экономической и политической истории легко ошибиться, беря случайные данные или, наоборот, сводя воедино показания всех источников, но в обоих случаях игнорируя специфику происхождения тех или иных текстов. Перед исследователем возникает опасность принять частные явления за общие и наоборот. Особенно сложным представляется разграничение новых и старых явлений.

Тезис об отставании формы от содержания стал азбучной истиной источниковедения, которая, однако, не дает ничего, если не показать конкретно, путем текстологического анализа, в каких случаях мы имеем дело со старыми формулярами, в каких, напротив, — с новыми. Очень важно выяснить также причины и способы сочетания новых элементов формуляра со старыми.

В качестве материала для дипломатического анализа автором взяты тарханные грамоты 30—40-х годов XVI в. В этот период, в отличие от конца XV — первой трети XVI в., тарханы выдавались широко. Изучение их типов имеет не только теоретическое, методическое значение, но и помогает решению чисто исторических вопросов